

Наша "страна живёт в атмосфере разрушительных мифов", — писал лет 20 назад русский философ, историк и литературовед Вадим Кожин. Мало что изменилось с тех пор. А если изменилось, то явно не к лучшему.

...Идёт на сцене Астраханского драматического театра "Поминальная молитва" Григория Горина.

Изображается еврейский погром. Выходят на сцену два агрессивных "пьяных" русских мужика и злобная девка непонятной национальности, на голове которой повязана красная косынка. Обращаясь к собравшимся на свадьбе евреям, девка выдвигает:

— Мы, истинные патриоты России, говорим вам, дьявольскому племени: изыдите с нашей земли! Чаша народного гнева переполнена! Бойтесь, если она прольётся на ваши головы!.. Тебе слово, народ православный!

Далее демонстрируется мини-погром: крики, визги, "Христа распяли"... После чего всё быстро успокаивается и опускается занавес.

В общем-то всё знакомо. Кто будет отрицать, что еврейские погромы были? Разве что можно поспорить о том, кто их организовывал. Тот же Кожин в своих работах аргументированно доказывал, что погромы возникали чаще всего стихийно, а не по науськиванию "Союза русского народа", то есть той самой "Чёрной сотни". Но как сегодня любых крайних националистов-ксенофобов обобщающе называют фашистами, так и организаторы погромов в царской России непременно должны были иметь отношение к "черносотенцам". Однако и это тема совсем иной дискуссии.

А дьявол-то спрятался в деталях. Вернее, в той самой красной косынке, обязанной вокруг головы девки-погромщицы. Следуя внутренней логике пьесы и устоявшимся стереотипным представлениям о событиях 1900-1917 годов, "вооружить" девку и мужиков нужно было не только топорами, но и православными крестами с хоругвями.

А вот красная косынка — это даже не ошибка, это какая-то провокация. Уж кого-кого, а евреев, притесняемых и гонимых царской властью, в среде революционеров было более чем достаточно. А красная косынка — это и есть рабочий революционный символ. Получается, что какая-то православная болшевичка вдруг решила выместить гнев народный не на представителей царской власти, а на таких же притесняемых, униженных и оскорблённых, как и остальной народ. Но ни православных большевиков в те времена (в отличие от нынешних), ни подобных фактов красносотенного антисемитизма зафиксировано не было. На большевиков и вообще революционеров можно много грехов навешать, но вот антисемитизм ни в каком виде им свойственен не был.

Поражаешься порой, когда слышишь сегодня рассуждения какого-нибудь

Произведение довольно известное. Рассказывает о судьбе одной большой еврейской семьи во времена царского режима, предреволюционные времена.

А главная мысль, видимо, в том, что как был народ гонимым несколько тысяч лет, так и остался. Может быть и так. Речь пойдёт не об этом.

общественного деятеля обсуждаемой национальности, восхваляющего белое движение и проклинающего красных. Помилуй, батенька, так и хочется

Красная косынка

сказать такому, да для белых слова "большевик" и "еврей" (как правило, в более жестком словесном выражении) — это были равноценные понятия. И с теми, и с другими, по логике белых, надо было бороться беспощадно, до полного их искоренения на земле пра-

вославной.

К слову сказать, один из героев-евреев встает на путь революционной борьбы, участвует в беспорядках, после чего сам сдается властям и отправляется на каторгу в Сибирь.

Может быть, режиссёр пошел по пути конспирологии и дал понять, что это, мол, большевики так изощрённо мучили народ, что даже руками православных мужиков разжигали ненависть между евреями и русскими, дабы посеять хаос и разжечь пожар революции? Тогда это действительно не ошибка (автора или режиссёра), это провокация. И разжигается таким образом ненависть не только в прошлом, но и в настоящем. И не только национальная, но и социальная, классовая.

Странно это или нет, но подобными вопросами, порождёнными элементарными историческими несоответствиями, уже практически никто и не задаётся. Ну погром и погром, ну были же погромы, а кто их устраивал — какая, мол, разница для художественно-

го смысла пьесы? Есть ведь правда жизни, правда истории, а есть правда искусства. Вот искусством и наслаждайтесь, "дамы и господа"!

Может быть и так. А что, если представить пьесу, в которой действие происходит в концлагере (каком-то там), а надзиратели, ежедневно уводящие тех же евреев (или неевреев) в газовые камеры, были бы облачены в чёрные мундиры, но не с рунами "зиг" и свастиками, а с красными звёздами на этих мундирах? А что, нас ведь давно учат, что коммунизм и фашизм — это два изуверских тоталитарных

лицо белое, глаза голубые, открыты, рот закрыт. В ногах две берёзы. (...) Труп Фёдора Морозова находился в пятнадцати метрах от Павла в болотине и мелком осиннике. Фёдоров был нанесён удар в левый висок палкой, правая щека испачкана кровью. Ножом нанесён смертельный удар в брюхо выше пупка, куда вышли кишки, а также разрезана рука ножом до кости".

"Смешно, правда?" — набрал я

Александр ТОКАРЕВ

на клавиатуре вопрос, надеясь на какое-то проявление человечности и торжество здравого смысла.

Ответ не заставил себя ждать: "Да. Его не жалко... Большевиков и их сторонников вообще не жалко. Весьма наивно ждать сочувствия всем этим грабителям и убийцам сограждан... Жалко, что их белые не перебили в своё время".

Вот так-то! А вы думали, в сказку попали... Впрочем, цинизм и двойные стандарты наших либеральных "гуманистов" давно известны. Например, другой коллега по фэйсбуку именно в День космонавтики вдруг сделал репост записи о том, как Королёву сломали обе (!) челюсти в заключении. Ведь именно с этим связан в истории день 12 апреля! Или новоиспечённый депутат астраханской облдумы от одной замечательной, вроде как оппозиционной партии накануне Дня Победы также делает репост о том, что из 6 лет Второй мировой войны два года СССР являлся союзником Третьего рейха!

Всё это пишут наши русские люди, выходящие на праздничные гуляния в День Победы, повязывающие георгиевские ленточки и напяливающие на головы псевдоармейские пилотки.

Но в вышеприведённых суждениях интересно другое. Мы опять имеем дело с перевёрнутой реальностью. Ведь конфликт в семье Павлика Морозова никак не укладывается в рамки борьбы большевиков с небольшевиками. Отец Павлика, против которого он выступил на суде, никаким противником Советской власти не был и быть не мог. Напротив, занимал должность председателя сельсовета, торговавшего при этом липовыми справками для вынужденных переселенцев (то есть кулаков), за что и попал под суд. А показания Павлик дал на суде в поддержку матери во многом потому, что отец бросил их и жил в том же селе с другой семьёй (в селах тогда к этому относились иначе, чем в городах). А убит был вместе со своим младшим братом собственным делом при пособничестве других родственников. В общем, дело больше семейное, чем политическое.

Ну и где тут конфликт большевизма и антибольшевизма? Только в дурных

головах, обязанных красными косынками.

Да если бы только театр или кино, если бы только бездарные тележурналы или пишущие в интернете невежды и провокаторы размахивали вот этими самыми красными косынками! А "народ православный" жил бы своей русской жизнью, и не позволял вводить себя в искушение, и лукавого бы сторонился... Так нет же, все мы живём в той самой атмосфере разрушительных мифов, даже не замечая того. Благо, процесс превращения мыслящих людей в дегенератов запущен давно и темпы свои наращивает.

А вот ещё косыночка, о которой уже позабыли. 8 октября 2007 года президент Владимир Путин подписал Указ № 1345 "О присвоении г. Ржеву почётного звания Российской Федерации "Город воинской славы" за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества".

Хорошее дело. Но вот "мужество, стойкость и массовый героизм" с 14 октября 1941 года по 21 марта 1943 года упорно проявляли "доблестные воины" 9-й армии генерала Вальтера Моделя. А войска Красной Армии с января 1942 по март 1943 безуспешно пытались освободить город.

Положение "пепси" Твардовского, конечно, не читало, но, выходит, и президент подмахивает указы, не глядя. И над ним красная косынка пролетела, накрыв впоследствии собой мемориальную доску большого друга России генерала Маннергейма.

И вот что больше всего меня в этой связи волнует, — это какие же нам косынки приготвят к столетию Великого Октября? Ведь тот же президент Путин недумосмысленно высказался не так давно о роли Ленина как неудачного минёра, подложившего мину замедленного действия под здание российской государственности. А мы (всё общество) это как-то тихо проглотили. И даже коммунисты лишь мягко его пожурили: ну вроде как не разобрался товарищ Путин, сказал глупость, а вообще-то он верной дорогой нас ведёт, Крым вот вернул. А ведь это не глупость и не огорка, это позиция.

Лишь министр культуры Медвинский в прошлом году осторожно заговорил о примирении красных и белых и об опыте революционного переустройства общества, который имеет право на существование. Но зная Медвинского как махрового антисоветчика, понимаю, что это, скорее, не запоздалое прозрение, а мимикрия приспособленца. И позиция государства, в лучшем случае, сведётся к замалчиванию столетнего юбилея события, потрясшего когда-то мир. А в худшем... красная косынка.

Власть, пытаясь за ширмой неистово пропагандируемого патриотизма продолжать либерально-монетаристскую политику, даже эту свою квазипатриотическую идеологию выстроить стройно не может. Не может, навер-

ное, потому, что все её составляющие власти глубоко безразличны. "Здесь вообще всё просто так, кроме денег", — как говорила русская проститутка Даниле Багрову в фильме "Брат-2".

Сегодня многие родители недоумевают, почему их дети, получающие в школе "четыре" и "пять", не отличают Первую мировую от Второй, а Гражданскую от войны 1812 года, не знают героев Великой Отечественной и совершённые ими подвиги: "Их что там в школе, вообще ничему не учат?". Учить-то учат, только вот ни в памяти, ни в душе у этих детей ничегошеньки не остаётся. И в институты они поступают такими же бездушными-равнодушными: не прошла трагическая русская история сквозь их души, не оставила там ни глубоких ран, ни светлых лучиков. И закупывать их можно будет любыми красными косынками.

Недаром же ещё в 90-е мы в институте изучали теорию тоталитаризма... по Бжезинскому! И никто ничего предсудительного в этом не находил. Не удивлюсь, если и сегодня происходит то же самое, несмотря на весь нынешний государственный патриотический пафос. И как в этой мешанине из идеологического многообразия найти правду, скрываемую красной косынкой? Как выбрать правильный ориентир, если сегодня тебе внушают, что главные на свете ценности — это свобода и демократия, а завтра — что патриотизм, духовность и державное величие?

При "проклятом совке" идеология была единой и потому охватывала все стороны общественной жизни. Да, чистенько в этом был перебор. Но! В те времена мы уже в начальной школе знали и про Зою Космодемьянскую, и про Александра Матросова, и про Кузцова с Суворовым, и про Минина с Пожарским. И это при так называемой линейной системе изучения истории, когда историю родной страны начинаешь изучать в классе восьмом, а заканчиваешь только в 11-ом.

Но знания откуда-то брались. Потому как получали мы их не столько на уроках, сколько в процессе внеклассной работы, в семье, читая книги, найденные на полках (много сейчас книг в домах?), просматривая фильмы, которые запоминали на всю жизнь, а не общаясь до одурения в соцсетях, чем сейчас грешим.

Может быть поэтому в нашей стране идеологическое многообразие, закреплённое Конституцией, а ещё больше — быстрая смена идеологических парадигм в угоду политической конъюнктуре приводят к формированию общества, состоящего из людей, сегодня готовых бросать книги если не в огонь, то в мусорные баки (за необходимость), а завтра начинающих изъясняться не словесными фразами, а гиканьем и ревом?

Таким и красная косынка уже не нужна будет. Такими легче управлять. Вот только будущее с ними не построишь.

Астрахань

Литературное капричицо

О Булгакове написано многими и написано много. Это факт. А факт, как говорил герой Булгакова, вещь упрямая. Спорить смешно и бессмысленно. Но я, может быть, впервые в жизни, смеюшй никого не собираюсь, да и спорить не стану, раз смысла нет. Не спорить хочу, а напротив, желаю подтвердить и даже дополнить сей бесспорный факт!

Я лишь добавлю к вышесказанному буквально пару слов, дабы первая фраза стала ещё более полной и точной. О Булгакове написано очень многими, и этими многими написано очень много... челухи.

Особенно много ерунды написано не столько о нём, сколько о его главном романе "Мастер и Маргарита". Интерпретаторов тьма, каждый трактует роман по-своему и каждый видит в нём что-то своё, согласно собственному мировоззрению, согласно своим: вере, образованию, гражданской и политической позиции, возрасту, характеру, а также степени ума и мере развращённости.

Я не стану здесь освещать каждую работу или каждый поступок великого литератора. Хочу лишь коснуться переломного момента в его судьбе и немного рассказать о его любимой, а главное — лучшей пьесе! И только-то! Наверняка, большинство до сих пор таковой считают "Дни Турбиных"? Увы, вынужден это уважаемое большинство огорчить.

Это не так. Очередное заблуждение. Но оно и понятно. Пьеса была принята к постановке в лучшем театре страны. Постановка принесла автору не только славу драматурга, но и, если не обогатила, то существенно повлила на улучшение материального положения. Каждый месяц она игралась от десяти и более раз, и всякий раз давалась с аншлагом.

Актёрам, что были задействованы в спектакле, эта работа давала путёвку к звёздной карьере. Именно "Дни Турбиных" заняли в их мемуарах почётное место. А публика штурмовала окошки театральной кассы и администратора. И это вопреки, а может, и благодаря огромным потокам помойной критики, несущейся со страниц газет и журналов: "Пьеса политически вредна, а драматургически слаба". И роман, и саму инсценировку по нему обвиняли в ничтожности, автора же клеймили как белогвардейского прихвостня, контрреволюционера и антисоветчика.

Но спектакль продолжал жить и давать сборы: зрители не теряли интерес к спектаклю. Тем паче, ему в любой момент грозил запрет! Зрители — не дураки. Они буквально со дня на день, в течение почти четырёх лет, ждали, что постановку прикроют, а Булгакова закроют. Рядовые граждане этого ждали, а вот люди более влиятельные, с именами, заслуженные и теоретически уважаемые, этого не только ждали, но и требовали...

Чего-то подобного постоянно ожидал и Михаил Булгаков. Не за прозу, так за пьесу, не за эту, так за другую... Именно поэтому он не удивился, когда к нему в дом явились из органов, с ордером на обыск. Во время обыска Булгаков продолжал шутить, вернее, высмеивать их ночной образ работы...

В результате он дошутился до того, что той же ночью прямо из дома отправился на Лубянку и провели там около трёх лет рукопись пове-

сти "Собачье сердце" и три тетради дневников. Булгаков после двухчасового допроса был отпущен на свободу. Вот это его удивило куда сильнее. Другой бы радовался и сделал бы из случившегося соответствующие выводы.

Но он не только не прекратил своей литературной деятельности, но и принялся писать гневные письма в разные инстанции с требованием вернуть ему отобранные при обыске вещи. Отчаянно дерзкое поведение Булгакова вызывает уважение. А ведь тогда он ещё и не подозревал, какого всемогущего покровителя имеет в самом правительстве, да и не таким уж всемогущим был этот его тайный покровитель на то время.

Там, на самом верку, после смерти Ленина, борьба за власть была ещё в самом разгаре. Главным покровителем Булгакова — вы наверняка это знаете, был никто иной, как Сталин, а, будучи по натуре хищной кошкой — рысью, снежным барсом или тигром, — тот никогда не спешил, медленно подкрадывался, подолгу сидел в засаде, высчитывал каждый шаг, тщательно готовился, а затем наносил смертельный удар, напав со спины, а затем вновь уходил в тень, поглубже в заросли, никому до конца не доверяя, всех подозревая и науськивая между собой, и натравливая друг на друга вчерашних товарищей и друзей...

Таков был Сталин. Он пока ещё не обладал всей полнотой абсолютной власти. Пока что он убирал по одному из потенциальных соперников, и пока лишь строил и укреплял непреступную цитадель собственного культа. Поэтому свою любимую пьесу "Дни Турбиных", которую он смотрел чёртовой дюжиной раз, Иосиф Сталин хоть и чужими руками и ложными оправданиями, но всё-таки отвлёк из-под удара пролетарской клещи по так называемой "белой агитке". На это ему хитрости хватило.

А вот самую любимую и, как по мне, самую лучшую пьесу Булгакова "Бег", ему спасти не удалось, да и не особенно-то он стремился её спасти, ему она понравилась меньше. Нет, ему она тоже понравилась, но значительно меньше. И я вам легко объясню — почему.

Но сначала ещё пару слов о пьесе "Дни Турбиных". Конечно, на фоне того, что тогда ставили на сценах московских театров, пьеса выгодно отличалась тем, что была современной, но традиционной формы — честной, неожиданной, без набившей оскомину идеологически выверенной инородной патетики. В ней была настоящая жизнь хороших людей, правда, уже лишняя для того времени, людей вчерашней жизни. Ведь, по сути, она была первой пробой пера начинающего тридцатипятилетнего драматурга (те попытки что-то ставить во Владикавказе можно не учитывать).

При этом пьеса была слабой. Поначалу в ней было четырнадцать картин, которые в три и даже четыре часа вместить не смогли бы. Булгаков относительно легко принял конструктивную критику, сократил пьесу вдвое, убрал ненужных героев, сменил некоторые акценты, сократил монологи и реплики героев.

Второй вариант был намного лучше прежнего,

но и он в процессе репетиций постоянно перерабатывался. Затем к репетициям подключился Станиславский, благодаря которому убрали ещё две лишние сцены.

Теперь я передаю слово Лидии Яновской, поскольку лучше, чем она, и не расскажешь: "С этого момента Станиславский стал бывать на репетициях. С увлечением втянулся в актёрскую и режиссёрскую работу. Отдельные сцены (в частности, знаменитую сцену, когда вносят раненого Николку и Елена узнаёт о смерти Алексея) поставил сам. По его совету была опущена одна из двух картин "В гимназии". Это был мудрый совет, картина тормозила действие. Позже пришлось снять и сцены "У Васили-

Алексей КУРИЛКО

Бег литературного волака

сы" — эти потому, что пьеса всё ещё была слишком длинна.

В дальнейшем Булгаков будет писать необыкновенно туго и жато. Его драмы "Бег", "Кабала святош", "Пушкин" очень насыщены по содержанию и невелики по объёму".

Драматург проходил свою большую сценическую школу. Такой сцены он действительно ещё не касался. Правда, что-то чисто булгаковское Станиславский и театр Станиславского, по-видимому, всё-таки обламывали, что-то терялось, уходило из пьесы. Талант Булгакова мучал в жёстких рамках великой школы, определялся, осознавал себя, чтобы потом наступательно и уже непорочно по-булгаковски заявить о себе в дерзком гротеске "Бег".

Яновская тоже понимала: "Бег" Булгакова — более сильная вещь.

Да и сам Булгаков знал, в "Беге" он не только досказал то, что не смог передать в "Днях", но и сделал это лучше, глубже, мощнее... ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ВЕЩЬ БОЛЕЕ ДРУГИХ СВОИХ ПЬЕС! Или, как сказала его жена, он любил эту пьесу "как только мать любит своё дитя". Но так верно подметил Варламов: "Именно "Бег" стал пьесой, которая поломала театральную судьбу и обворала триумфальное восшествие Булгакова по лестнице житейского успеха".

Так и в жизни, порой, бывает, самые любимые наши женщины, или друзья, или дети становятся для нас главным источником всех наших бед.

"Бег" стал последней каплей, после которой из общего банка творческого самолюбия хлынул поток желчи, но теперь он был направлен не столько на Булгакова, сколько на тех, кто позволяет Булгакову относительно свободно самовыражаться в лучших театрах страны...

Если Лакшин не лжёт, а во лжи он уличен не был, то на "Дни Турбиных" Сталин ходил пятнадцать раз — минимум. А уж фраза, сказанная исполнителю роли Турбина: "Хорошо играет... Мне даже снятся ваши чёрные усыки" (!). Раз актёр Хмелев ни тогда, ни потом расстрелян не был, Сталину сон нравился, вызывал положительные эмоции, а не отрицательные.

Вторую пьесу Михаила Булгакова — "Зойкина квартира" — он смотрел восемь раз. Смеялся. Аплодировал. Всё это нисколько не говорит о том, что пьесы были блестящими: Сталин не Михаил Чехов и не Максим Горький, в литературе, в драматургии и в театральном искусстве глубоких познаний не имел, особенно хорошо не разбирался, и вкус имел посредственный.

Но в отличие от Ленина, и литературой, и театром, и кино он, на горе творческих людей, интересовался, имел своё мнение. Умел делить на талантливого и бездарного, знал, что пролетарское искусство полезнее для советов, но буржуазное или классическое произведение, если оно талантливо, мастерски сделано, намного интереснее, виртуознее, глубже, и легко переживёт агитпроповское мёртворождённое дитя бездарного халтурщика.

Официально он Булгакова никогда не поощрял. Писал, что Булгаков — чуждый нам писатель. Но отвечая на коллективное письмо возмущённых в лучших своих пролетарских чувствах, а на самом деле завидующих славе и

таланту Булгакова коллег по театальному и литературному цеху, Сталин писал драматургу Билль-Белоцерковскому не без скрытого злорадства: "Почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже "Дни Турбиных" — рыба...".

Что называется, получи фашист гранату! Из разряда, прежде чем критиковать, напишите что-то лучше. А так — Булгаков, может и не Шекспир, но вполне возможно, что и гений, да, гений, особенно на фоне вашего говна и других убогорий. Это не в самих строчках написано, но проглядывает между ними...

И вот дальше то, что звучит хоть каким-то оправданием с политической и партийной точки зрения: "Что касается собственно пьесы "Дни Турбиных", то она не так уж плоха, ибо она даёт больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: "Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав своё дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь". "Дни Турбиных" есть демонстрация всемогущей силы большевизма".

Как видите, никакого преклонения, всё с виду логически и невинно, не подкапываясь, в личных симпатиях к внутреннему врагу замечен не был. Но разве это — откровенная, прямая речь правдоруба? Бросьте, право слово! Нет, ему нравились, как Булгаков пишет. Конечно, он осознавал, что тот — совсем иной породы человек и совершенно из другого мира. Но также, вполне возможно, что Булгаков своей храбростью, своей стойкостью и благородством вызывал в нём скрытое восхищение и желание поглотить такого по-настоящему талантливого автора в стан своих друзей.

Он верил, нет, он допускал такую возможность, ведь удалось ему обмануть и приручить некогда непокорного трудолюбивого и независимого Горького. Была проделана колоссальная работа, но в конце концов, Горький — единственный, кто смел в 1918 и 1919 годах открыто критиковать Красный террор и обличать большевиков в преступлениях и грязных профанациях — вуаля! — тот теперь его лучший друг, он уважает его, Сталина, преклоняется пред ним, а скоро будет поддерживать во всём, будет призывать к массовым репрессиям и расстрелам. Надо только не спешить, приручить и по-

садить его на золотую цепь, постепенно укорачивая длину цепи, незаметно убирая звено за звеном. И станет гордый буревестник революции послушным ручным соколом или грифом-стервятником с обрезанными крыльями.

Сталин, если хотел — всегда умел находить главные струны человеческой души, чтобы этот инструмент — человек — начинал играть по его нотам. Олешу пригнул, Алексея Толстого купил, Шолохова возлюбил, Бабеля проигнорировал (смотрите воспоминания Горького о Бабеле), Заматина прогнал, Пастернака загипнотизировал...

Все люди звери. Все поддаются дрессировке. Главное — понять, что же он за зверь такой, этот самый Булгаков.

Бenedикт Сарнов был убеждён, что Сталин, когда говорил, что основное впечатление, остающееся после просмотра пьесы — демонстрация всемогущей силы большевизма, — то всё это было ничем иным, как удобной, правдоподобной ложью. Истинная причина была в другом. Но в чём? Попробую объяснить!

Ведь Булгаков, как сказал бы Паниковский, был человеком тогодашнего времени. Он мог быть скрытным, замкнутым, но приторочком он быть не мог. Ему было противно и неистовенно мимикрировать. Никогда бы в жизни он не опустил до состояния не то, что "здоровшаны бежать за комсомолом", но даже рядиться в чужую одежду полуптичка было противно ему. Этого он делать не собирался. Что бы с ним ни сделали, какие бы опыты над собой он сам в целях самосохранения ни предпринимал, он был, есть и останется верным рыцарем старого, уже не существующего мира.

Это Сталин понимал, но многие, очень многие полагали, что Булгаков в душе оставался истинным монархистом.

Мне кажется, его мало заботило какое-то определение политического управления, лишь бы при нём уважались права человека. И чтобы каждый человек при этом управлении, в идеале, был разумен, образован, интеллигентен, благороден, честен...

Наверняка Сталин видел в Булгакове монархиста. Он и сам, Сталин, в душе был... не большевиком, нет! В душе он был абсолютным монархистом, но при условии, что монархом будет именно он, Сталин. Сталин, как некое полубожественное существо, чья власть на земле — от Бога. Так должны думать все люди, и если надо, идти за него на смерть, пусть даже тогда, когда бороться бесполезно. В общем, вести себя так, как вёл себя Алексей Турбин в пьесе "Дни Турбиных".

"Была у нас Россия — великая держава!" — "И будет!". Вот каким бы мог быть их разговор, если когда-нибудь мог состояться. И Сарнов в одной своей статье допускает, что где-то мысли Булгакова и Сталина о том, какой должна быть Россия, совпадали.

Проживи Булгаков ещё несколько лет, он бы увидел, что Сталин возвращает или уже вернул всё так, как было до революции: и ёлку, и офицерские погоны, и прежние территории, розданные большевиками, и раздельные гимназии, и церкви, и множество других важных или, казалось бы, совсем пустяшных мелочей.

Так что не надо верить тому, что официально Сталин говорил о пьесе "Дни Турбиных".

(Полный вариант — на нашем сайте)